

В. М. Рынков

**ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ (ЛЕТО 1918 — ОСЕНЬ 1922 г.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-181-189

УДК 94(47+57)“1918/1922”

ББК 63.3(235.55+253+255)61

В статье исследованы правовые механизмы регулирования предпринимательства на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке при антибольшевистских правительствах. Автор рассмотрел политический и экономический контекст событий Гражданской войны на востоке России. Курс власти на восстановление прав собственников и относительной свободы предпринимательства, наличие сети торгово-промышленных организаций, присутствие большого числа юристов в составе высших и центральных органов управления антибольшевистских правительств стали важнейшими предпосылками для усиления роли правовых регуляторов предпринимательской деятельности. На востоке России были разработаны юридические основания для продолжения работы торгово-промышленных учреждений, утративших связь со своими законными владельцами или головными учреждениями. Государственная власть расширяла и продлевала полномочия, подменяя доверителя, создавая временного субъекта, наделенного правами вступать от имени собственника в сделки, в том числе и принимать финансовые обязательства. Требования органов власти о полной уплате собственниками долгов (в том числе и за период, когда при советской власти они не распоряжались своими предприятиями) воспринимались как несправедливость и препятствие к возрождению промышленности, равно как и стремление не субсидировать восстановление производственной деятельности, а кредитовать на коммерческих условиях. Но Гражданская война вынуждала власть ограничить права собственников и их представителей по свободному распоряжению своим имуществом. Принципиально важно, что такие ограничения носили обратимый характер и могли быть сняты по минованию чрезвычайных обстоятельств. В статье также приведены случаи, когда антибольшевистские правительства проводили национализацию имущества частных и кооперативных предприятий, проанализированы мотивы таких решений.

Ключевые слова: восток России, антибольшевистские правительства, торгово-промышленные организации, гражданское право, доверенности, кредиты, национализация

Оказавшись в состоянии многолетней гражданской войны, Россия переживала глубокий экономический и социальный кризис. Он отчасти имел объективный характер: длительное отвлечение производительных сил на военные нужды не могло не вызвать спад производства, сбой в системе обмена, сокращение трудовых ресурсов. Но субъективный фактор, к которому следует прежде всего отнести затеянную большевиками «перетряску» имущественных отношений, без сомнения, сыграл существенную роль. К важнейшим институциональным условиям функционирования экономики следует отнести правопорядок. Его разрушение, сознательно проводившееся большевистскими лидерами, негативно сказалось на динамике производительных сил.

Гражданская война в самом начале привела к выводу из-под контроля советской власти обширных территорий, оказавшихся под управлением самостоятельных правительств. На востоке России, ставшем крупнейшим очагом антибольшевистского сопротивления, с июня 1918 по октябрь 1922 г. существовало более полутора десятков антибольшевистских правительств общероссийского, регионального и национально-автономного статуса. Они различались продолжительностью своей деятельности, масштабами подконтрольной территории, организационной структурой и идейными основаниями. Наиболее значимыми стали Комитет членов учредительного собрания (Самара, июнь–октябрь 1918 г.), Временное Сибирское правительство (Омск, июнь–ноябрь 1918 г.), Временное Всероссийское правительство (Уфа–Омск, сентябрь–ноябрь 1918 г.), Российское правительство адмирала А. В. Колчака (Омск–Иркутск, ноябрь 1918 — январь 1920 г.). В 1920 г. некоторое время существовал режим атамана Г. М. Семенова. Дольше всего

противники советской власти удерживали Приморье, где среди сменявших друг друга правительств наиболее важным в контексте исследовательской тематики статьи являлось Временное Приамурское правительство (Владивосток, июнь 1921 — июнь 1922 г.).

С теми или иными особенностями и оговорками все органы власти воспринимали частную инициативу как важнейший стимул экономической активности, нацеливались на восстановление права собственности на средства производства, считая это условием возрождения промышленности и торговли. Вместе с тем в обществе и правительственном лагере понималась недопустимость обострения социальных отношений. Основным инструментом нормализации институциональной среды экономики должно было стать право.

Для этого существовали и необходимые предпосылки. Несмотря на антибуржуазную направленность действий советской власти, на востоке России сохранялись некоторые предпринимательские организации — биржевые общества, региональные советы съездов. Правда, они находились в как бы застывшем состоянии: не будучи ликвидированы, распущены, они не проявляли и видимой легальной активности. Падение советской власти вывело их из своеобразного летаргического сна. Вновь собрались существовавшие в недавнем прошлом биржевые комитеты, военно-промышленные комитеты, советы съездов горнопромышленников. Обнаружилось стремление образовать новые предпринимательские объединения с учетом создавшейся политической географии. Прошли торгово-промышленные съезды Поволжья и Урала, Сибири. В Уфе собрался всероссийский съезд торговли и промышленности, принявший решение о воссоздании Всероссийского совета съездов торговли и промышленности. Такой совет был наконец образован в ноябре 1918 г. в Омске, и на протяжении почти года он представлял интересы предпринимательского сообщества перед правительством, разговаривал с ним на одном политическом и правовом языке.¹

¹ См.: Дмитриев Н. И. О возрождении торгово-промышленных организаций на востоке России в 1918–1919 гг. // Деловая Россия: история и современность: тезисы II Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1996. С. 93–95; Шацилло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 — начало 1920 гг.). М., 2008. С. 47–153; Рукосуев Е. Ю. Екатеринбургское бюро совета съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 гг. // Вестн. Перм. ун-та. История. 2014. Вып. 4 (27). С. 87–89.

Обсуждавшаяся до революции идея организации торгово-промышленных палат, узаконенная, но не реализованная Временным правительством незадолго до своей ликвидации, получила на востоке России второе дыхание. В Самаре летом 1918 г. палату организовали местные предприниматели по собственной инициативе. Всероссийский совет съездов поддержал предложение о создании временных торгово-промышленных палат до их формирования на законных основаниях после объединения страны и подал соответствующий законопроект, утвержденный 28 марта 1919 г. Российским правительством. Сеть временных торгово-промышленных палат стала появляться на Урале и в Сибири летом 1919 г., но они просуществовали недолго, а большинство даже не приступило к работе в связи со стремительным отступлением армии Российского правительства. Зато в Чите торгово-промышленная палата представляла интересы предпринимателей перед властью атамана Семёнова, а в Приморье торгово-промышленная палата просуществовала до мая 1923 г., пережив все антибольшевистские правительства. Таким образом, в диалоге с предпринимателями у власти всегда был партнер, способный консолидированно и внятно артикулировать свои интересы. Особняком стоит Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата. Созданная в январе 1919 г. в Екатеринбурге, она так и не раскрыла своего потенциала органа поддержания и развития двухсторонних коммерческих связей, проработав на Урале до эвакуации в июле 1919 г., в ходе которой ее следы потерялись.²

Гражданская война основательно перемешала и разделила предпринимательское общество, разрушив былые связи. Основная часть российской «бизнес-элиты», традиционно проживавшая в столицах, бежала на окраины, туда, где давление большевиков на собственников было наименьшим. Большинство оказалось на юге, но были и те, кто устремился на восток, особенно если к этому их подталкивало перемещение фронтов. Значительная часть акционеров и многие владельцы крупных фирм оказались оторваны от своих предприятий и не имели возможности ни собрать законный состав правления, ни связаться

² См.: Дмитриев Н. И. Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата в годы Гражданской войны на Урале (1918–1919 гг.) // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 55–62.

с управляющими для передачи необходимых распоряжений. Участники экономических отношений, не склонные решать существующие проблемы кавалерийским нахрапом, понимали целесообразность поиска законных оснований для нормальной хозяйственной деятельности.

Вторым важным фактором стала приверженность самой власти правовым механизмам управления экономикой. В составе правительства — Временного Сибирского, а затем и Российского — юристом был даже премьер — П. В. Вологодский. Целая плеяда юристов, в том числе и цивилистов, занимала посты управляющих министерствами, товарищей министров. В управлении делами имела крепкая юрисконсультская часть. Экономические вопросы разбирались с участием хорошо подготовленных специалистов. Функционировали адвокатура и нотариат, суды общей юрисдикции разбирали гражданские иски, в том числе и споры между субъектами предпринимательской деятельности. Судебные органы и правительство регистрировали уставы новых предприятий и следили за тем, чтобы действующие не выходили за пределы своих законных полномочий.³

Не нужно преувеличивать значение правовых методов решения хозяйственных вопросов. Конечно, в условиях Гражданской войны на востоке России случалось всякое. Были реквизиции и ничем не прикрытый грабеж обывательского имущества со стороны военных. Действия властей на местах порой оказывались далеки от правомерных. Но правительственные органы стремились дать имущественным отношениям правовые основания, будучи готовыми к поиску пусть непростых решений, но возведенных в законное русло.

Не приходится удивляться, что возрождение торговли и промышленности на востоке России прочно связывалось в том числе и с созданием соответствующих правовых условий. Однако ряд проблем оказался неожиданным для власти, и для их разрешения потребовалась тонкая настройка гражданского законодательства.

Различные аспекты экономической жизни восточных регионов России в годы Гражданской войны регулярно становились предметом внимания историков.⁴ Но вопрос об особенно-

стях правового регулирования предпринимательской деятельности затрагивался только единожды и очень фрагментарно, а комплекс соответствующих законодательных актов частично рассмотрен в монографии автора статьи, но не был подвергнут специальному анализу во всей совокупности.⁵

При советской власти центральные и местные органы управления активно вмешивались в дела предприятий не только частных, но и принадлежавших кооперативным союзам, городским и земским органам, общественным организациям. Лишь меньшинство подверглось официальной национализации, большинство просто передавалось в управление коллективам рабочих и служащих без формальной перемены собственника, что фактически отстраняло владельцев от влияния на принятие финансовых и хозяйственных решений. Одной из декларированных властями задач на востоке России в области отношений собственности стало возвращение предприятий бывшим владельцам. Она решалась далеко не только в интересах крупных частных собственников.

Перед властью встали вопросы одновременно практического и теоретического характера. Некоторые из них и в последующие десятилетия будут долго волновать политиков и правоведов. Могут ли правительственные органы ограничивать права собственников во имя сохранения социальной стабильности, в частности, искусственно сдерживать закрытие разорившихся предприятий? На кого в этом случае следует возложить издержки по сохранению рабочих мест? Как следует распределить возникшие в результате политической дестабилизации убытки между собственниками, институтами управления и непосредственными участниками волнений? В данном случае ситуация осложнялась тем, что антибольшевистские правительства не считали себя правопреемниками советской власти и не собирались нести за нее ответственность, а сформированные

1918–1920. Cambridge, 1996; Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1920 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения боевых действий на Урале). Материалы регион. науч. семинара. Челябинск, 1999. С. 131–151; Калягин А. В., Парамонов В. Е. Социально-экономическая политика Комуча (торгово-промышленный аспект) // Вестн. СамГУ. История. 1998. № 1. С. 66–73.

⁵ См.: Рынков В. М. Правовое регулирование как инструмент политической адаптации населения востока России к вызовам Гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2015. С. 154–156, 164, 165; Он же. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. Новосибирск, 2008. С. 114–131.

³ См.: Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 219, 268–269, 288–291.

⁴ См.: Kolz A. W. F. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War. 1918–1920 // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48, № 3. P. 488–489; Smele J. D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak

рабочими и служащими органы коллегиального управления в конце 1917 — первой половине 1918 г. опирались на санкции де-факто правомочной советской власти и не считали свои действия правонарушениями.

При возвращении предприятий в частную собственность возникали серьезные проблемы юридического и социально-экономического плана. Временное Сибирское правительство не допускало даже мысли, что оно станет возмещать убытки владельцам разоренных при советской власти предприятий. В свою очередь, если в отсутствие владельцев правительство вынуждено было взять предприятия под временный контроль, выдать кредиты на поддержание их работоспособности, то понесенные казной расходы подлежали возмещению собственниками. Имелись в виду как кредиты, выданные советской властью рабочим коллективам, так и траты уже новых органов власти на управление частными предприятиями, владельцы которых отсутствовали либо не спешили вступать в управление своей собственностью.⁶

Как правило, в отсутствие владельцев на месте оставались доверенные лица. Но срок большинства выданных доверенностей на оперативное управление уже истек или завершился 31 декабря 1918 г., а сами доверенности часто не допускали принятия финансовых обязательств без согласования с собственниками. Восточным регионам к началу 1919 г. грозил почти полный деловой паралич, оставлявший на рынке только местные фирмы. Министерство торговли и промышленности предложило два пути решения будущей проблемы: либо продлить срок доверенностей, либо учредить специальные временные администрации.⁷ В дальнейшем оба варианта реализовывались в соответствующих случаях.

28 ноября 1918 г. Совет министров продлил срок существующих доверенностей и предоставил управляющим право на получение кредитов и решение вопросов о форме погашения долгов перед казной.⁸ Впоследствии Совет министров возвращался к этому вопросу дважды, 27 июня и 21 декабря 1919 г., и продлевал доверенности на 1920 г.⁹ А 10 февраля 1920 г. уже

в Восточном Забайкалье помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части издал постановление о том, что доверенности на управление предприятиями и имуществом продляются до 1 января 1921 г. Причем уполномоченные на управление лица даже не должны были делать по этому поводу специальные ходатайства.¹⁰ Ключевую роль в принятии такого решения сыграло обращение забайкальских торгово-промышленников.¹¹ Последний раз к такой мере прибегало Временное Приамурское правительство, несколько усложнив условия. 14 февраля 1922 г. оно разрешило продлить доверенности на управление торговыми и промышленными предприятиями, кредитными учреждениями и недвижимым имуществом до 1 января 1923 г. Для этого следовало подать заявление в Приморский окружной суд и предоставить справку Приморской окружной торгово-промышленной палаты о том, что у заявителей действительно отсутствует связь с законным владельцем.¹² Таким образом был обеспечен правовой путь сохранения прав доверенных лиц на управление частными предприятиями и даже расширение полномочий доверенных лиц для принятия важнейших финансовых решений. Конечно, это вызывало полемику в прессе. Долги частных предприятий перед государством росли, а на собственников возлагалась материальная ответственность за те управленческие решения, которые они не принимали.

Для крупных компаний, управлявшихся коллегиально и имевших множество региональных подразделений, единственным способом легального продолжения деятельности являлась организация временных управлений из руководителей и членов правлений, пребывавших на востоке России. Такие органы возникали самочинно, явочным порядком. Но решение вопроса об их легализации целиком зависело от воли правительства.

Действительно, возможность в законном порядке — на основании правильно оформленной доверенности — образовать подразделение с правами самостоятельной деятельности на вос-

⁶ См.: «Реальная» политика Временного Сибирского правительства // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альб. 2001. № 9. С. 38.

⁷ См.: Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 9 нояб.

⁸ См.: Правительственный вестник (Омск). 1918. 25 дек.

⁹ См.: Правительственный вестник. 1919. 25 июня; ГАРФ.

Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 29; Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 26.

¹⁰ См.: Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 20 февр.

¹¹ ГАЗК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

¹² См.: Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1922. 21 февр.; ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 2. Л. 113–116; РГИА ДВ. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 26. Л. 93.

токе России выдавалась немногим. Таким уникальным примером стало спешное создание конторы (районного правления) Центросоюза для Поволжья, Урала и Сибири. Летом 1918 г. она располагалась в Уфе, с осени 1918 г. — в Омске и, наконец, после ноября 1919 г. — во Владивостоке. Она была наделена правами самостоятельно распоряжаться всеми активами и имуществом Центросоюза на востоке России.

Временное Сибирское правительство озабочилось легализацией автономной работы находящихся в Сибири отделений кооперативного Московского народного банка. Затем уже Российское правительство вознамерилось выдать ссуду частным банкам для оживления торговой деятельности. 6 декабря 1918 г. Совет министров утвердил Временные дирекции для управления отделениями столичных банков. 14 марта легальный статус обрели Временные дирекции Русского торгово-промышленного, Русского для внешней торговли и Петроградского международного коммерческого банков.¹³ 4 марта 1919 г. были утверждены временные правления частных железнодорожных обществ, правления которых находились в Советской России. Причем в них должны были входить представители министерств путей сообщения, финансов и государственного контроля, а принятые постановления подлежали утверждению указанными министерствами. Срок действия таких правлений был определен до тех пор, пока законные составы правлений не смогут вступить в свои права.¹⁴ Такая «этактизация» частных железнодорожных обществ оказалась неизбежной: в условиях отрыва от своих головных предприятий они работали на нужды государства и практически целиком им финансировались. 3 июня 1919 г. было утверждено Временное правление Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества.¹⁵ Необходимость этого шага диктовалась тем, что для бесперебойной работы предприятия, от которого зависело снабжение топливом Транссибирской магистрали, требовались инвестиции. Получить их рассчитывали путем распространения очередной серии акций. Для такого шага требовался полномочный орган,

а законное правление осталось в Петрограде. Легализация временного правления стала необходимой юридической формальностью.

Все решения о законодательном утверждении новых органов управления крупными компаниями касались судьбы транспортных и промышленных предприятий, с которыми казна вступала в сложные финансовые отношения, либо кредитных учреждений — потенциальных кредитодателей для частного бизнеса и получателей казенных ссуд. Для крупных торговых фирм, филиалы которых действовали на востоке России, правительство не утвердило ни одного подобного документа. Это вполне закономерно: филиалы столичных торговых предприятий могли легко основать новую компанию и нередко это делали.

Отступление Белой армии за Урал породило новые проблемы. Теперь уже уральские и сибирские предприятия, действовавшие ранее в восточных регионах России вполне законно, в условиях эвакуации оказались раздроблены. Встал вопрос о том, кто должен представлять интересы прежних компаний и вправе распоряжаться их собственностью. Семеновский режим рассчитывал оживить забайкальскую промышленность с помощью эвакуированных с Урала заводов. Для этого следовало признать правомочными находившихся в Забайкалье их представителей. С этой целью помощник главнокомандующего Всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части утвердил Положение об учреждении Временного правления Верх-Исетских заводов.¹⁶ Полномочия Временного правления действовали до восстановления связи с законным правлением или возникновения возможности переизбрать его на основании устава. Этот шаг позволил группе эвакуированных служащих взять имущество округа в свое полное распоряжение и возобновить выпуск военной продукции. Петровский завод намеревались передать в аренду Лысьвенскому округу.¹⁷ Очевидна была готовность семеновских администраторов и юристов и дальше заниматься утверждением прав и полномочий крупных владельцев средств производства из числа прибывших в Восточное Забайкалье беженцев. Но, по-видимому, больше не нашлось желающих инвестировать свои средства и трудовые усилия

¹³ См.: Правительственный вестник. 1919. 21 сент., 2, 25 окт.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства, издаваемого при Правительствующем сенате. Омск, 1919. № 10. Ст. 161, 162, 163.

¹⁴ См.: Правительственный вестник. 1919. 27 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства. 1919. № 11. Ст. 164.

¹⁵ См.: Правительственный вестник. 1919. 20 июня.

¹⁶ См.: Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 12 марта (документ не датирован).

¹⁷ ГАЗК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 116. Л. 2, 5–50б., 21–210б.; Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.

в индустрию края, находившегося в условиях крайней политической нестабильности.

Если торговые предприятия с относительно быстрым оборотом и гибкими возможностями реорганизации не очень нуждались в деньгах для обычных операций, то для заготовок по заказам правительственных органов даже они требовали кредитования. Восстановить же нормальную работу большинства крупных промышленных и транспортных предприятий без государственных кредитов оказалось практически невозможно. Поэтому вполне понятно стремление законодателей узаконить правительственные субсидии предприятиям торговли, промышленности и транспорта, правомочные владельцы которых отсутствовали, путем расширения прав доверенных лиц. Мера, сомнительная с гражданско-правовой точки зрения и оправданная исключительно соображениями общественного интереса — удержать уровень производства, обеспечить нужды армии и населения.

Но, очевидно, что кредиты не были безграничными. Приоритеты власти заключались в финансировании производств и услуг, жизненно необходимых для нормального функционирования государственного и военного аппарата. Торгово-промышленники, если и не ожидали прибыли, то уж во всяком случае рассчитывали на нормальное субсидирование, в том числе и работ по восстановлению предприятий. К их глубокому разочарованию, государство выделяло средства на условиях банковского кредита. Конечно, в инфляционной экономике ставку в 6–8 % нельзя признать высокой для пользователей. Но и кредит не предоставлял получателям коммерческих выгод. Он даже не всегда покрывал убытки от нерентабельной работы, а набегавшие проценты оказывались финансово обременительными. Неоднократно поднимался вопрос об их списании и выдаче беспроцентных кредитов, но такой вариант категорически отвергался правительством. Если в сфере торговли в конце 1918 — начале 1919 г. наблюдался деловой бум, связанный с созданием новых торговых домов и компаний, готовых нести риски выхода на новые рынки, посредническая деятельность на которых сулила хорошие барыши, то владельцы промышленных и транспортных предприятий, которые находились на востоке России, вели дела вынужденно, нередко подумывали о том, чтобы избавиться от средств производства, приносившего одни беспокойства и убытки.

Государственная власть старалась блокировать попытки промышленников избавиться от нерентабельной собственности и усилить контроль за работой промышленности и транспорта. Осенью 1918 г. в Омске обсуждался законопроект, ограничивавший сделки по купле-продаже горных и промышленных предприятий. Предполагали давать разрешение на продажу только при отсутствии невыполненных государственных заказов и долгов, в том числе и за советский период. Тогда идею не решились оформить законодательно.¹⁸ Позже был избран путь постепенного расширения государственной опеки над частными предприятиями, оправдываемый активным участием казны в их хозяйственной деятельности. Частные железнодорожные предприятия, как уже упоминалось, после 4 марта 1919 г. фактически управлялись и финансировались казной. 23 мая 1919 г. Российское правительство предоставило главноуполномоченному по уральской промышленности право временно закрывать частные предприятия, принудительно расширять действовавшие или открывать новые производства. 9 сентября 1919 г. оно окончательно передало контроль над промышленностью и торговлей, чья работа могла быть связана с обслуживанием армии, министру продовольствия и снабжения, включая право принудительной замены администрации на частных предприятиях представителями министерства, право секвестировать предприятия, не выполнявшие директивы министра.¹⁹

Важно, что принятые решения, существенно ограничивая собственников, сохраняли обратимость ситуации. После окончания Гражданской войны тем же законодательным путем можно было восстановить право распоряжения частных лиц и акционеров в полном объеме. При этом практически исключались регрессивные иски по взысканию с казны прямых убытков или упущенной выгоды при возможном возвращении собственнических прав в полном объеме законным владельцам. Впрочем, случаев применения самых грозных из упомянутых мер весны–осени 1919 г. ни документы, ни пресса не приводили. Скорее, власть преуспевала в мобилизации кустарей на изготовление предметов по требованию интендантства и в организации кампаний по изъятию имущества у обывателей (повозки, белье и т. п.).

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 70об.–71.

¹⁹ См.: Правительственный вестник. 1919. 7 окт.

Тем не менее не обошлось и без особых случаев, когда, руководствуясь государственными интересами, по крайней мере, как их понимала власть в контексте борьбы с большевизмом, законодатели шли на самую настоящую национализацию.

Наиболее известен случай с каменноугольными копиями Черемховского бассейна.²⁰ Они снабжали углем железные дороги Восточной Сибири. Но производительность копей катастрофически упала еще при советской власти, главным образом в связи с захватом предприятия анархистски настроенными рабочими. После антибольшевистского переворота копи так и не вернули их владельцам. Лишь установление временного управления комиссара Министерства торговли и промышленности позволило восстановить нормальный уровень угледобычи.²¹ 30 января 1919 г. Российское правительство объявило Черемховский каменноугольный бассейн закрытым для свободного горного промысла,²² а 1 мая 1919 г. выкупило копи в казну за 59 млн 116 тыс. руб.²³ Размер компенсации владельцам был далек от рыночной стоимости, сам выкуп происходил вопреки желанию владельцев. Спор углепромышленников и Министерства торговли и промышленности о пределах государственных прав и способах справедливой оценки был продолжительным и безрезультатным.

К национализации прибегло и Временное Приамурское правительство в заключительный период Гражданской войны. Обстоятельства, которые привели к этому, требуют небольшого экскурса в историю экономики региона. В 1920 г. на Дальнем Востоке наряду с местными кооперативными союзами действовали фирмы, основанные кооператорами — беженцами из Сибири, а также представительства советских кооперативных организаций, наиболее крупные и финансово обеспеченные. Именно советские кооперативные союзы занялись вывозом со складов Владивостокского порта ценных грузов в Советскую Россию.²⁴

Чтобы предотвратить деятельность в угоду своему военно-политическому противнику, Временное Приамурское правительство 28 июня 1921 г. установило государственное управление делами представительств двух крупнейших советских кооперативных фирм: Центросоюза и Продпути,²⁵ а 12 ноября 1921 г. все остатки товаров Центросоюза передали ведомству торговли и промышленности для реализации и погашения долга кооперации казне.²⁶ 11 января 1922 г. после проверки деятельности Центросоюза и Продпути правительство объявило о передаче всей их собственности государству на том основании, что они изначально были кооперативными, но потом оказались национализированы декретами советской власти и получили в управление государственное имущество. Временное Приамурское правительство предупредило, что не считает себя правопреемником национализированных союзов и не будет признавать имущественные претензии контрагентов по их долгам.

В дальнейшем Временное Приамурское правительство сформулировало правовые претензии к еще одной кооперативной организации. 23 декабря 1921 г. оно признало неправомочной деятельность правления Союза Сибирских маслодельных артелей на территории «Приморского государственного образования», а также предложило проверить правомочность передачи имущества этого союза Сибирской сельскохозяйственной корпорации Лимитед и до проверки назначить в местную контору этого союза правительственного инспектора.²⁷ Так Временное Приамурское правительство лишило связанные с советской властью кооперативные организации возможности продолжать свою деятельность на подконтрольной ему территории, создав правовые основания для огосударствления кооперативной собственности.

Органы государственной власти восточной контрреволюции стремились оставаться в поле действовавшего гражданского законодательства. Новые обстоятельства, разделившие некогда единую Россию на враждующие лагеря, заставили их детально заниматься вопросами правопреемственности. Благие намерения

²⁰ Подробнее см.: Рынков В. М. Колчаковская национализация: Черемховские копи во второй половине 1918–1919 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 87–108.

²¹ См.: Сибирская жизнь. 1918. 12 окт.; Свободный край (Иркутск). 1918. 6 авг.

²² См.: Правительственный вестник. Омск, 1919. 1 апр.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства. 1919. № 1. Ст. 5.

²³ См.: Правительственный вестник. 1919. 1 авг.

²⁴ См.: Ципкин Ю. В. Белое движение на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. Хабаровск, 1996. С. 63.

²⁵ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1921. 11, 21 июля.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 1. Л. 350б.

²⁷ См.: Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 31 дек.; 1922. 31 янв.

быстро восстановить права собственников и тем самым запустить восстановительные процессы в экономике разбитые о реальность, наполненную тупиковыми ситуациями — и в фактическом, и в юридическом смысле, — связанными с отсутствием законных владельцев. Правовая адаптация шла в первую очередь по пути вмешательства в институт представительства. Государственная власть расширяла и продлевала полномочия, подменяя доверителя, иницируя создание предпринимателями временных субъектов, наделенных правами вступать от имени собственников в сделки, в том числе и принимать финансовые обязательства. Но при этом форма собственности оставалась неприкосновенной, что сохраняло возможность ревитализации прежних, доре-

волюционных свобод предпринимательской деятельности. Чем ближе к завершению шла Гражданская война, тем сильнее проявлялось стремление высших органов власти манипулировать юридическими формальностями для решения своих насущных задач, экономических и политических, для аккумуляции не только казенной, но и частной собственности в управлении правительственных органов. Право свободного распоряжения имуществом подверглось ограничению, а отдельные предприятия даже огосударствлению. Мотивами для принятия таких необратимых решений стали неспособность собственников эффективно управлять общественно значимыми предприятиями и работа других предприятий в интересах волевого противника.

Vadim M. Rynkov

Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: vadsvet@list.ru

LEGAL REGULATORS OF COMMERCIAL AND INDUSTRIAL ACTIVITY
IN THE EAST OF RUSSIA (SUMMER 1918 — AUTUMN 1922)

The article deals with the legal mechanisms of business regulation in the Urals, Siberia and the Far East under anti-Bolshevik governments. The author considers the political and economic context of the Civil War events in the east of Russia. The governments' policy of restoring the rights of owners and the relative freedom of entrepreneurship, the presence of a network of commercial and industrial organizations, and the presence of a large number of lawyers in the supreme and central governing bodies of the anti-Bolshevik governments became the most important prerequisites for strengthening the role of legal regulators of business activity. In the east of Russia, legal grounds were developed for the continuation of the work of commercial and industrial institutions that had lost contact with their legal owners or parent institutions. The government expended and prolonged powers, replacing the principal and creating a temporary entity with the rights to enter into transactions on behalf of the owner, including the acceptance of financial obligations. The demands of the authorities for the full payment of debts by the owners, including the period when they did not manage their enterprises under the Soviet regime, were perceived as an injustice and an obstacle to the revival of industry, as well as the desire not to subsidize the restoration of production activities, but to credit on commercial terms. But the Civil War forced the authorities to restrict the rights of owners and their representatives to freely dispose of their property. It is crucially important that such restrictions were reversible, and could be lifted after emergency circumstances. The article also presents cases when anti-Bolshevik governments carried out the nationalization of the property of private and cooperative enterprises, and analyzes the reasons for such decisions.

Keywords: *East of Russia, anti-Bolshevik governments, commercial and industrial organizations, civil law, powers of attorney, loans, nationalization*

REFERENCES

Dmitriev N. I. [Economics according to Kolchak: search for development paths]. *Ural v sobytiyakh 1917–1920 gg.: aktual'nyye problemy izucheniya (k 80-letiyu prekrashcheniya boyevykh deystviy na Urale). Materialy region. nauch. seminara* [The Urals in the events of 1917–1920: actual problems of study (on the 80th anniversary of the cessation of hostilities in the Urals). Materials of the regional sci. seminar]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. un-t Publ., 1999, pp. 131–151. (in Russ.).

- Dmitriev N. I. [On the revival of commercial and industrial organizations in the east of Russia in 1918–1919]. *Delovaya Rossiya: istoriya i sovremennost': tezisy II Vseros. zaochnoy nauch. konf.* [Business Russia: history and modernity: abstracts of the 2nd All-Russian extramural sci. conf.]. Saint Petersburg: Nestor Publ., 1996, pp. 93–95. (in Russ.).
- Dmitriev N. I. [The Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry in the Urals during the Russian Civil War (1918–1919)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 50–66. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-1-50-66 (in Russ.).
- Kalyagin A. V., Paramonov V. E. [Social and economic policy of the All-Russian constituent Assembly at Samara]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Samara State University. History], 1998, no. 1, pp. 66–73. (in Russ.).
- Kolz A. W. F. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920. *The Journal of Modern History*, 1976, vol. 48, no. 3, pp. 483–491. (in English).
- [“Real” policy of the Provisional Siberian Government]. *Belaya armiya. Beloye delo: istoricheskii nauchno-populyarnyy al'manakh* [White Army. White Affair: historical popular science almanac], 2001, no. 9, pp. 29–41. (in Russ.).
- Rukosuev E. Yu. [The Yekaterinburg Bureau of the Council of Congresses of the Ural miners in 1917–1919]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2014, iss. 4 (27), pp. 84–91. (in Russ.).
- Rynkov V. M. [Kolchak’s nationalization: Cheremkhov mines in the second half of 1918–1919]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: problemy istorii. Mezhuuz. sbornik nauch. trudov* [Civil War in the east of Russia: problems of history: Interuniversity collection of sci. papers]. Novosibirsk: NGU Publ., 2001, pp. 87–108. (in Russ.).
- Rynkov V. M. [Legal regulation as a tool for political adaptation of the population of the east of Russia to the challenges of the Civil War]. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka: sbornik nauchnykh statey* [Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the 20th century: a collection of scientific articles]. Novosibirsk: Parallel’ Publ., 2015, pp. 145–182. (in Russ.).
- Rynkov V. M. *Sotsial’naya politika antibol’shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii* [Social policy of anti-Bolshevik regimes in the East of Russia]. Novosibirsk: Sibprint Publ., 2008. (in Russ.).
- Shatsillo M. K. *Rossiyskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoy voyny i pervyye gody emigratsii (1917 — nachalo 1920 gg.)* [The Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration (1917 — early 1920)]. Moscow: Nauka Publ., 2008. (in Russ.).
- Smele J. D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (in English).
- Tsipkin Yu. N. *Beloye dvizheniye na Dal’nem Vostoке (1920–1922 gg.)* [White movement in the Far East (1920–1922)]. Khabarovsk: KhGPU Publ., 1996. (in Russ.).
- Zvyagin S. P. *Pravookhranitel’naya politika A. V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A. V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001. (in Russ.).

Для цитирования: Рынков В. М. Правовые регуляторы торгово-промышленной деятельности на востоке России (лето 1918 — осень 1922 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 181–189. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-181-189.

For citation: Rynkov V. M. Legal regulators of commercial and industrial activity in the East of Russia (summer 1918 — autumn 1922) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 181–189. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-181-189.